

Больно (не) будет

Дин Вэньхуа

Вэньхуа почувствовал, что что-то не так, еще до того, как увидел записку. Он прочитал строчки, написанные знакомой рукой, затем зажал в ладони янтарного попугая. Мэйлин уехала, хотя правильнее было бы сказать, что она сбежала. Он чувствовал, что так ей могло стать лучше, но был обижен, что она не сказала ему обо всем прямо перед тем как уехать. Сяомими тут же стала хныкать и искать маму, и Вэньхуа не нашел ничего лучше, чем ответить, что она уехала по делам, и сегодня не вернется.

Новость об этом отъезде, похожем на бегство, буквально оглушила Вэньхуа. Он чувствовал себя потерянным, находясь далеко на Тибете, в месте, которое было домом скорее для Мэйлин, чем для него и Сяомими. Он толком никого здесь не знал, и едва успел разобраться с местными порядками, и теперь находился в безвыходном положении: он не мог ехать на поиски Мэйлин, несмотря на то, что считал, что должен это сделать, несмотря на её просьбу не искать. Он не стал бы пренебрегать её просьбой, если бы был уверен, что ей хорошо. Но зная, что за последнее время даже в монастыре симптомы депрессии никуда не уходили, Вэньхуа разумно боялся того, что Мэйлин себе навредит.

Когда вечером Сяомими заснула, он вышел на веранду, чтобы разобраться со своими мыслями и решить, как поступить.

Ветер Перемен

К вечеру в клинику Хусин привезли необычного пациента. Необычного в том, что это оказалась Юн Мэйлин, одна и без сопровождения, и на вопрос Ли, которого вызвали в приемное отделение, где Вэньхуа, не отвечала. Не так давно их дочь попала в аварию и обоим дали отгулы, чтобы они могли провести с дочерью больше времени, и Ли совсем не ожидал увидеть кого-то из них в клинике Хусин, да еще и в качестве пациента.

Сотрудники скорой сообщили, что у нее был обморок. Юн Мэйлин жаловалась на головокружение, головную боль и сонливость, и первым делом исключили беременность, а затем, проведя все необходимые дополнительные тесты, отвезли на компьютерную томографию.

Получив первые результаты исследований, Ли надолго замолчал, вглядываясь в снимки, но он достаточно часто наблюдал подобную картину, и хотел бы ошибаться в увиденном, потому что это казалось почти невозможным. Пациенту – было не так-то просто воспринимать Юн Мэйлин просто как еще одну пациентку - сообщили о найденной в головном мозге опухоли, но нужна была биопсия, чтобы подтвердить диагноз. Была запрошена малая операционная, и пациентку увезли готовиться к процедуре.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа не рассчитывал на то, что кто-то согласится ему помочь, потому что у него в

монастыре не успели появиться не то что друзья, даже хорошие знакомые. Но к его удивлению в тот же вечер, когда он обнаружил записку, он встретил на веранде жилого корпуса мастера Петрович, которая вызвалась присмотреть за Сяомими, чтобы он смог уехать на несколько дней на поиски. Это все равно было сложное решение, хотя Вэньхуа доверял тем, кто жил в монастыре, потому что им доверяла Мэйлин, которая провела здесь в детстве несколько лет. Ему было тяжело и страшно оставлять Мэйхуа одну, но еще страшнее было думать о том, что будет с Мэйлин, и что у неё было на уме, когда она сбежала из монастыря. Она могла просто уехать сюда одна несколько дней назад, и он бы её не нашел.

Дорога до деревни, оттуда до Лхасы, оттуда перелет в Пекин с пересадкой. Телефон Мэйлин был вне зоны доступа, но Вэньхуа не стал звонить её родителям, потому что был уверен, что она не у них. Когда самолет приземлился в Пекине, Вэньхуа позвонил Пэну, чтобы тот узнал, не появлялась ли Мэйлин на работе. Если она хотела сбежать, она могла сначала официально уволиться из клиники, потому что обычно ответственно относилась к своей работе. Пэн сказал, что она в клинике, но в качестве пациента. И посоветовал приехать и разобраться во всем на месте, потому что по телефону объяснять долго. Эта новость была плохой.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа приехал в клинику, не заезжая домой. Был конец смены, но почти все отделение было на месте. В коридоре по дороге попался Ли, который сразу позвал Вэньхуа поговорить в ординаторскую. Он выглядел мрачнее некуда.

- Юн дайфу стало плохо в аэропорту, она потеряла сознание, - сказал Ли. - Мы провели обследование и нашли опухоль.

Он взял со своего стола папку и передал её Вэньхуа, затем открыл снимки на компьютере. Иногда даже при очень сильном желании выдать желаемое за действительное опыт не позволяет это сделать. Опухоль была окружена отеками тканями, в центре был замечен участок некроза.

- Делали биопсию? - просил Вэньхуа.

- Да, она подтвердила, - Ли кивнул на папку.

Заключение было однозначным. Опухоль, о которой еще накануне никто не догадывался, была глиобластомой. И Вэньхуа не нужно было объяснять, что это значило.

- Мэйлин уже сказали? - спросил он.

- Нет, она сейчас спит. Её врачом числюсь я, могу рассказать сам, - предложил Ли.

Вэньхуа не знал, как будет лучше. Мэйлин просила её не искать, и его появление рядом она могла воспринять как еще одну плохую новость.

- Расскажи и спроси у неё, согласна ли она, чтобы я к ней зашел, - ответил Вэньхуа.

Мэйлин Юн

Все, что происходило дальше, было похоже на дурной кошмарный сон, и то, какими-то рваными обрывками, смутными эпизодами. Она помнила, что кто-то спрашивал, как ее зовут, вокруг какой-то шум, потом – как они куда-то ехали, и только после этого Мэйлин узнала слишком знакомую обстановку клиники Хусин. Болела голова, подташнивало, хотелось спать, но на вопросы Мэйлин исправно ответила. Помнила, как отрывисто несколько раз пискнула труба компьютерного томографа, и еще помнила, как ей сказали, что у нее обнаружили опухоль. Мэйлин не поверила – что это, какая-то шутка?

Нужно сделать биопсию, чтобы убедиться? Хорошо, пусть делают. Убедятся, что нет никакой опухоли, да и откуда ей взяться. Просто очень хочется спать.

Мэйлин проснулась какое-то время спустя и первым делом ощупала голову, но волосы были на месте, хотя она почему-то боялась, что ее все сбреют. Или ей приснилось, что теперь у нее вообще нет волос, но там был только небольшой прямоугольник пластыря. Ей все еще казалось, что это происходит не с ней, а с кем-то другим, что она на самом деле все еще сидит в аэропорту и ждет рейса на Гонконг. Наверное, уже пропустила его, теперь нужно брать новый билет. Мэйлин увидела Ли, которого заметила не сразу, лишь только когда он подошел ближе. В руках его была папка и снимки.

Новость ее огорошила. Мэйлин скривилась и нервно усмехнулась – нет, это и правда какая-то плохая шутка?

Оказалось, нет.

Мэйлин облизнула пересохшие губы и ощутила изнутри подбирающийся к горлу мороз. Вэньхуа слишком часто рассказывал о глиобластомах, чтобы Мэйлин знала наверняка, что это значит.

Ли спросил, согласна ли она увидеть Вэньхуа. Мэйлин, немного помедлив, кивнула. Дальше ведь бежать-то некуда.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа ждал Ли в коридоре. Он сейчас только начинал осознавать новости о том, какой диагноз поставили Мэйлин. Он перечитал заключение в папке. Он знал, что первой реакцией будет отрицание. Вспомнил как минимум пять диагнозов, которые могли быть похожи на глиобластому, но не нашел ни одного повода зацепиться за то, что диагноз мог быть неверным. Отправляясь на поиски Мэйлин, он был готов узнать о том, что она сбежала в другой город. Боялся услышать, что она пыталась что-то с собой сделать, а все оказалось иначе и страшнее. Глиобластома была приговором. Весь торг с ней велся о месяцах паллиативных мер, когда в каждом отдельном случае нужно было выбирать меньшее из зол.

Когда Ли вышел и сказал, что Мэйлин согласилась на встречу, Вэньхуа понял, что ему страшно. Он зашел в палату - Мэйлин лежала в отделении, в одной из отдельных удобных палат, значит, ей пока не требовалась экстренная помощь. Она выглядела намного бледнее, чем во время их прошлой встречи, хотя прошло всего

ничего времени.

- Привет, - сказал Вэньхуа и подошел ближе. - Как ты сейчас себя чувствуешь?

Мэйлин Юн

Она боялась видеть Вэньхуа. Боялась, что он начнет выговаривать ей, как ребенку, который не послушался и сбежал из чувства противоречия. Еще несколько часов назад больше всего она хотела остаться одна, а теперь чувствовала себя так, словно стоит на крохотном островке посреди бескрайнего мрачного океана, а ведь она не умеет плавать, а волны подбираются все ближе к ее ногам, цунь за цунем неотвратно пожирая остающуюся в ее распоряжении сушу. Она пыталась найти хоть какие-то лазейки, чтобы успокоить себя, что диагноз был ошибочен, но понимала, что это всего лишь попытки утопающего схватиться за воздух.

Она была уверена, что ее головная боль, слабость, раздражительность и сонливость вызваны переутомлением, депрессией, недостаточным питанием, недостаточностью свежего воздуха, горным воздухом, да чем угодно, кроме как тем, что это вызывало на самом деле. Ей даже в голову не могло прийти, что туда закрадется что-то ужасное и уничтожающее ее.

Мэйлин заметила, как Вэньхуа зашел в палату, и съежилась, как будто хотела стать в несколько раз меньше. Она хотела напомнить ему, что просила ее не искать, что ему нужно возвращаться обратно к Мэйхуа, что это конец, но не смогла.

- Я не знаю, - прижимая ладони к лицу, по которому градом катились слезы, прошептала Мэйлин. — Я не знаю, что мне делать.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа придвинул стул и сел возле кровати. Мэйлин расплакалась. Он мог только догадываться, насколько страшно ей сейчас было. Он много раз видел со стороны людей, которые узнавали о смертельных диагнозах, и все реагировали по-разному. Но не бывало такого, чтобы, понимая диагноз, человек не боялся. Говорили, что врачи терялись, когда проблемы возникали у их близких. Вэньхуа был бы рад возможности ненадолго забыть то, что он знал о глиобластомах, чтобы понадеяться на что-то хорошее. Он провел рукой по волосам Мэйлин, заметив пластырь на том месте, где была биопсия.

- Я тоже пока не знаю, - ответил Вэньхуа. - Но я буду рядом, если ты позволишь. И будем разбираться.

Они с Ли пока не обсуждали, какой будет правильная тактика лечения. Но эффективным оно не будет все равно. В некоторых случаях можно получить отсрочку на месяцы, но опухоль Мэйлин располагалась так, что её было опаснее трогать, чем не трогать. Речь могла идти только о качестве жизни и борьбе с симптомами, которые будут нарастать. Это было невыносимо сложно понимать, когда речь шла о Мэйлин. Вчера была надежда, что все наладится. Сейчас Вэньхуа отдал бы все, чтобы Мэйлин могла быть здорова, даже если при этом она хотела уехать от него навсегда.

Мэйлин Юн

Наверное, Мэйлин все же надеялась, что Вэньхуа с порога скажет, что нет, все совсем не так, что результаты перепутали, и это была не ее папка и не ее снимки, а ей просто нужно отдохнуть, но все с ней будет хорошо. И вот когда он этого не сказал, когда придвинул стул и когда провел ладонью по ее волосам, признавшись, что тоже не знает, что делать, Мэйлин окончательно поняла, что никакой ошибки здесь нет и не было.

Она закрыла глаза, стараясь унять слезы. Три месяца или тринадцать – разницы уже, по сути, не было никакой. Вместо билета в Гонконг она получила билет в один конец. Лучше бы ей было не знать.

У нее снова начала болеть голова, и Мэйлин притянула колени ближе к себе, чтобы уткнуться в них подбородком. На ней снова была дурацкая больничная пижама, которая была ей велика, и палата была та же самая, что и в прошлый раз, когда она повредила нервы на ладони. Тогда она боялась, что не сможет вернуться к хирургической практике. Сейчас это было уже неважным.

- Я же все равно умру? – спросила она то, что и так сама прекрасно знала, но хотела услышать это еще от кого-нибудь со стороны, чтобы убедиться, что не придумывает сама себе и не спит в этом затянувшемся кошмаре. – Глиобластомы ведь не лечатся.

Дин Вэньхуа

Сейчас было неуместно вести философские беседы о том, что умрут, так или иначе, все, независимо от наличия или отсутствия в их голове глиобластом. И было бы подло врать Мэйлин и говорить какие-то общие слова о том, что вдруг появятся новые методы в ближайшее время. Он знал, что не появятся. И обычно такие реплики он слышал от пациентов, потому что считал неправильным вводить людей в заблуждение.

- Иногда можно добиться ремиссии на несколько месяцев, - сказал Вэньхуа. - Есть разные протоколы. Иногда имеет смысл сделать операцию, она на какое-то время может избавить от симптомов. Есть варианты с радио- и химиотерапией. Будем искать те, от которых пользы больше, чем вреда.

Эти методы переносились очень тяжело и давали кучу побочных эффектов. Вэньхуа считал их оправданными при глиобластоме только в том случае, когда они избавляли от более тяжелых симптомов основного заболевания. Хотя ему часто приходилось видеть пациентов, готовых на любые экспериментальные протоколы, особенно если эти пациенты не понимали, что эффективность в продлении жизни на три месяца довольно сомнительна, когда проводишь это время в стационаре с приступами неукротимой рвоты и дикими болями.

- Я не могу сказать, как быстро будет развиваться болезнь, я сам только что увидел снимки и результаты обследования, - сказал Вэньхуа.

Мэйлин Юн

Мэйлин кивнула. Несколько месяцев звучали почти насмешкой. Даже не лет, а просто несколько месяцев. Она не питала иллюзий, Мэйлин видела много онкологических больных, некоторых ей приходилось консультировать в том числе, когда были метастазы в средостении, и она бы не согласилась несколько месяцев ремиссии провести в очередном протоколе химиотерапии в надежде выбить у болезни еще пару дней или недель, особенно если знаешь, что она неизлечима.

Она снова вытерла лицо рукавом пижамы и помолчала, глядя в одеяло перед собой. Слезы иссыхали, но Мэйлин чувствовала себя опустошенной. Всякий, кто наблюдал за неизлечимо больным, знает, что наступает момент ломки, когда сопротивление умирает и вползает покорность.

- Не хочу, чтобы волосы выпадали, - призналась она. Они сейчас отросли до нижнего края лопаток. Мэйлин не думала, что когда-нибудь снова они станут такими же длинными, как раньше, потому что планировала оставить такую длину, какая была сейчас, но теперь уже и незачем было думать о том, что они когда-нибудь станут длиннее. Сохранить бы то, что есть.

- Ты сам родителям своим скажешь? – спросила Мэйлин. Она не знала, как сказать об этом своим собственным. Даже мысленно произнести слово «рак», признаться «у меня рак» было невыносимо сложно.

Дин Вэньхуа

Почему-то именно этот вопрос занимал многих пациентов и особенно пациенток с опухолями мозга: выпадут ли волосы и придется ли брить голову. У Мэйлин волосы отросли с тех пор, как Вэньхуа обрезал ей их в Кандагаре, когда она об этом попросила. Они были не такими длинными, как в начале их отношений, но все равно заметно отросли.

- Сначала нужно решить вопрос с операцией, - сказал Вэньхуа. - Понять, насколько она возможна. Из химиотерапии при глиобластоме внятные результаты только у темозоломида. Но с его побочными эффектами нужно будет решить, насколько оправдано его применение.

Прогнозы выживаемости при глиобластоме зависели от того, насколько удалось удалить первоначальную опухоль. Она в любом случае прорастала в окружающие ткани, и ни облучение после операции, ни ударные дозы химиотерапии не могли полностью уничтожить раковые клетки. Глиобластома всегда давала рецидивы. Единицы могли прожить в состоянии ремиссии дольше пары лет.

- Да, я сам им скажу, - Вэньхуа вспомнил вопрос о родителях.

Мэйлин Юн

- Хорошо, - ответила она. Мэйлин откинулась на подушку и потерла лицо, стирая остатки слез, хотя рыдания все еще теснились где-то в груди. Там же, где и теплилась до сих пор надежда, что все не с ней, все не так, все должно быть хорошо. – Спасибо.

Она закрыла глаза, надеясь, что так головная боль немного утихнет. В палате горел

неяркий свет, но даже так он казался раздражающим. Мэйлин и раньше замечала, что от яркого света в операционной начинают болеть глаза, но не смогла вспомнить, когда именно появилось это ощущение.

- Мэйхуа осталась в монастыре? – спросила она. – Нужно, наверное, привезти ее обратно в Пекин?

Мэйлин не знала, как будет лучше, чтобы Мэйхуа была здесь, или чтобы она оставалась там, вдалеке от всего этого. Мэйлин не знала, что теперь будет. Завтра или послезавтра, или через пару месяцев. Может, и этих пары месяцев у нее нет. Она почти не слушала объяснения Ли, который говорил ей о стадии и размерах. Это могло не значить ровным счетом ничего. Прогнозы могли оправдаться, а могли – нет. Но Мэйлин казалось, что лучше быть готовой к тому, что неминуемо произойдет. Если к этому вообще можно как-то подготовиться.

Дин Вэньхуа

- Она осталась с мастером Петрович, - ответил Вэньхуа. - Я думаю, что ей какое-то время стоит быть там, а потом переехать к моим родителям.

Со временем состояние Мэйлин будет ухудшаться. Причем происходить это может неожиданно и скачками, потому что глиобластомы разрастались непредсказуемым образом и затрагивали все новые участки мозга. Вэньхуа понимал, что не сможет одновременно заниматься маленькой дочерью и больной женой, но сейчас не мог подобрать слова, чтобы объяснить Мэйлин свои мотивы.

- Если болит голова - говори, боль не нужно терпеть, - сказал Вэньхуа.

Основным лечением, которое нужно было обеспечить даже при невозможности операции, было адекватное обезболивание. И постепенно препараты будут только сильнее. К ним добавятся те, которые помогут уменьшить новые симптомы, такие как судороги. Было невыносимо страшно все это понимать, глядя на Мэйлин, которая сейчас отличалась от себя обычной только осунувшимся и бледным лицом.

Мэйлин Юн

Мэйлин ничего не ответила. Для нее потом – это было именно что «потом». Наверное, это и правда будет лучше для Мэйхуа, что «потом» она уедет к родителям Вэньхуа в Цзинлу, где свежий воздух, любящие бабушка с дедушкой и перспектива безболезненно пережить эти несколько месяцев. Хотя она даже вряд ли поймет, что на самом деле было. И к лучшему. Разве не этого Мэйлин хотела еще вчера, когда покупала билет на рейс до Пекина?

- Она почти всегда болит, - ответила Мэйлин. Неприятно ноет в висках и затылке, словно кто-то сдавливает голову в тугой обруч. Иногда становится чуть лучше, иногда наоборот хуже.

- Я хочу сделать татуировку, - вдруг сказала она. – Мне же можно будет покидать клинику?

Она могла отказаться от лечения и просто спокойно на обезболивающих дожить эти

три месяца (в среднем). Именно к этому Мэйлин и склонялась. Дальше будет только хуже, когда начнутся еще какие-нибудь изменения в тканях мозга, от которых она перестанет быть собой и превратится в живой овощ на попечении собственного мужа. Она вспомнила, как очень давно они спорили с Вэньхуа, что правильнее — оставаться рядом с человеком, забота о котором полностью ложиться на твои плечи, или уйти, чтобы не тратить на это свою жизнь, потому что результат или будет неизвестен, или неотвратим, как сейчас. Тогда она его не понимала. А сейчас — очень даже.

Дин Вэньхуа

- Тебе не обязательно все время находиться в клинике, - сказал Вэньхуа. - Но лучше не ездить далеко одной. Ты потеряла сознание в аэропорту, это может повториться. И сначала неделю лучше побыть здесь, чтобы посмотреть за симптомами и их динамикой.

А еще могли начаться судороги и эпилептические приступы. Нарушения зрения и слуха, временные или постоянные парезы. Могла наступить дезориентация.

- Я могу сходить с тобой. Какую татуировку ты хочешь сделать? - спросил Вэньхуа.

Пока Мэйлин не принимала химиотерапию, её иммунитет более-менее существовал, и возможные осложнения от татуировки были несущественными. Боль во время сеанса могла на какое-то время ухудшить состояние, но были принципы паллиативной терапии, согласно которым последнее, что хочет неизлечимо больной пациент - это доживать в условиях строгого режима. Нужно было обеспечить возможность как можно больше жить как можно более полноценной жизнью.

Мэйлин Юн

Было что-то сюрреалистичное, чтобы обсуждать неизлечимо больного пациента, и понимать, что этот пациент — ты. И это твой смертельный диагноз подчеркнут красным маркером в твоей карте. Это твое имя может появиться в списке пациентов, которые ожидают операцию на головном мозге. Не кого-то там, кого ты воспринимаешь как еще одну работу, которую нужно выполнить хорошо.

Она кивнула. Неделю она могла бы подождать, это вроде бы не так много. Главное было просто успеть до того момента, как она не сможет этого сделать. Мэйлин отмечала татуировками каждый важный закончившийся этап ее жизни. Даже та, самая первая, типично девчачья татуировка на лопатке в виде одуванчика с птичками что-то значила. Наверное, именно с нее и пошло расхождение их с подругами дорог. Все эти годы, уже почти двадцать лет, Мэйлин не слышала ни об Ульяне, ни об Оливии. Это было так странно. Узнают ли они когда-нибудь, что еще немного — и от нее тоже, как и от одуванчика с птицами, ничего не останется? А может, и кого-то из них тоже уже нет? Но нет, конечно же нет, у них все хорошо. Точно должно быть все хорошо.

- «do not resuscitate» - Мэйлин посмотрела на Вэньхуа чуть ли не впервые с того момента, как он зашел в ее палату.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа встретился с Мэйлин взглядом, и от того, как она смотрела, он почувствовал мороз по коже сильнее, чем за весь этот день. Диагноз Мэйлин и так подразумевал, что реанимация бессмысленна. Приходя к стадии принятия, пациенты обычно больше всего боялись умереть в реанимации, проводя последние часы, а то и недели жизни на аппарате ИВЛ. Вэньхуа кивнул.

- Ты ведь понимаешь, что татуировку могут проигнорировать, - после долгого молчания сказал он. - На всякий случай положи вместе с полисом заверенный отказ.

Его голос дрогнул. Он не так хорошо умел сдерживать эмоции, как ему всегда казалось. Но он считал решение Мэйлин правильным и заслуживающим уважения.

Любой врач мог усомниться в том, что DNR на груди отражает истинные намерения пациента. Кто-то мог сделать подобную татуировку на спор или под впечатлением, потом передумать. Логика всегда сводилась к тому, чтобы не принимать необратимых решений в условиях дефицита информации, и мало кто был готов взять на себя ответственность и отпустить пациента. Разве что при явных тяжелых диагнозах, которые могли стать причиной отказа от реанимации. Но терминальных пациентов не реанимировали и без татуировок.

Мэйлин Юн

Она уже думала об этом. Не сегодня, конечно, но давно до, после того, как они с Се Юэмин работали вместе в паллиативном отделении, и девушка спросила, можно ли как-то избежать вот такой вот участи, когда тебя держат ни живым не мертвым, не имея сил просто отпустить. Мэйлин понимала, что не хочет когда-нибудь оказаться на их месте, а теперь страх стал только сильнее, потому что у нее были все шансы провести остаток своих дней на аппарате ИВЛ. Глиобластомы практически не давали метастазов, можно было не опасаться, что они мгновенно разовьются и поразят легкие, но она могла разрастись и захватить дыхательный центр. Если уже не пыталась это сделать – Мэйлин не стала особенно внимательно рассматривать снимки, словно это могло уберечь ее от неотвратимого рока.

В клинике Хусин были свои юристы, которые могли помочь с необходимыми бумагами. Но теперь становилось только страшнее, когда момент ее смерти становился чем-то вроде официально подтвержденного документа, на котором точно будет стоять окончательное заключение. Наверное, так чувствует себя человек, который видит дату своей смерти, а до нее осталось всего ничего.

- Ты будешь со мной? – прошептала она, потому что произнести эти слова вслух было не так-то просто. – До самого конца?

Дин Вэньхуа

Вэньхуа взял Мэйлин за руку и чуть сжал в своей руке её прохладную ладонь. Неужели это все, что он мог сделать, посвятив столько лет изучению нейрохирургии? Или эти годы нужны были как раз для того, чтобы понять, когда нужно быть не врачом, а просто человеком?

- Да, буду, - ответил Вэньхуа. - И я сделаю все, чтобы то время, которое есть, ты жила, а не чувствовала себя подопытной.

Какими глупыми сейчас ему казались его собственные переживания в тот момент, когда он нашел её записку! Он не замечал, что все это время ей было плохо не из-за депрессии, а теперь все кроме оставшегося у Мэйлин времени казалось недостаточно важным. И он прекрасно знал, что это время нельзя было четко предсказать, его могло оказаться намного меньше, чем бывало по статистике.

Вэньхуа достал из кармана связку ключей, снял с неё брелок с янтарной птичкой и вложил его в руку Мэйлин. Её пальцы были чуть более тонкими, чем раньше, или он уже сам искал симптомы, на которые не обращал внимания столько времени? Сейчас он мог надеяться только на то, что в последний момент Мэйлин будет рядом с ним, а не в реанимации.

Мэйлин Юн

Мэйлин вцепилась в руку Вэньхуа, боясь, что сейчас он ее отпустит, а ее мир кувыркнется солнышком, и она потеряет всякую опору под ногами. Уже потеряла. Разве думала она, что ее желание, чтобы просто ничего не было, обернется в такую пугающую ее реальность, когда желания должны были сбыться таким извращенным, жестоким образом? Как и всех людей, перед которыми маячила реальная перспектива уйти из жизни не внезапно, когда не успеваешь понять и принять этот момент, а растянуто во времени, постепенно угасая и отпуская жизнь от себя буквально по крохам, ее страшило то, что ее ждет. Как все это случится? Случится ли это тихо, во сне, или в мучительной агонии от ожидаемого удушья или отказа всех органов? Что если будет очень больно? Что если она будет в этот момент одна?

Она посмотрела на янтарную птичку в своей ладони, и ее руки дрожали. Она снова не могла сдержать слез, потому что ей было очень страшно. Еще никогда до этого ей не было так страшно, как сейчас, когда этот ужас пронизывал каждую клеточку ее тела. И она не знала, что ей делать, и как с ним справиться. Нужно смириться и прожить это время настолько полно, насколько это возможно? Есть ли смысл бороться, когда знаешь, что все эти попытки окажутся тщетны? Эту смерть еще никто не обманывал.

- Пусть будет у тебя? – попросила она, все еще глядя на птичку.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа обнял Мэйлин за плечи и коснулся губами её волос. Она дрожала и плакала. Он сам с трудом сдерживал слезы и испытывал ужас от понимания того, что сейчас происходило. Но он должен был ей помочь. В этой ситуации он был не тем, кто дрожал от страха, а тем, кто будет держать за руку.

- Как ты захочешь, - ответил он насчет птички. - Давай я попрошу медсестру дать тебе обезболивающее, чтобы ты могла отдохнуть? - предложил Вэньхуа. - Я посижу с тобой, пока ты не заснешь.

Ему стоило заехать домой, отвезти вещи и переодеться. Сейчас он не надевал

форму, потому что не работал, и оставался в той одежде, в которой приехал из Линь Ян Шо.

- Тебе привезти что-нибудь из дома? - спросил он.

Некоторые пациенты говорили, что не видят смысла читать книги, если их память исчезнет вместе с ними. Других, наоборот, чтение отвлекало, если не вызывало слишком сильные головные боли. Вэньхуа считал, что Мэйлин было бы лучше прогуляться до ближайшего сквера, но не сегодня, пока за её состоянием нужно было внимательно наблюдать.

Мэйлин Юн

Уткнувшись лицом в плечо Вэньхуа, Мэйлин снова постаралась успокоиться, потому что от слез только сильнее болели глаза и ныла голова. Но ей казалось, что так страх понемногу уходил, не навсегда, лишь на время, и это было лучше, чем чувствовать, как он заполняет изнутри, норовя утопить.

- Хорошо, попроси, - согласилась Мэйлин, несколько судорожно вдыхая, потому что все еще пыталась справиться со своими рыданиями. Кажется, что быть сильной так просто, когда смотришь со стороны. Что нужно взять себя в руки, собраться, найти силы идти дальше, бороться, сражаться, гордо нести свой поднятый флаг, а на деле все оказывается совсем не так. И когда ты из врача превращаешься в пациента, становится только еще страшнее.

Она вытерла глаза и немного отстранилась. Пропasti между ними больше не было. На самом деле она была еще только впереди. Ей хотелось испуганно спросить что-то вроде «ты же не забудешь меня?», но она понимала, насколько глупо это будет звучать.

- Домашнюю одежду, - ответила она. — И планшет. Я работала над методичкой. Может быть, успею ее доделать.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа крепче обнял Мэйлин, когда она к нему прижалась. Как же страшно понимать, что не можешь на самом деле её удержать. Завтра все будет иначе, через три недели мысли сменятся, и ожидание неизбежного войдет в привычку. Через месяц голова будет забыта мыслями о том, как подобрать адекватные препараты, чтобы снимали боль, позволяли спать и при этом не портили качество жизни. А пока был страх и понимание, что очень скоро все это закончится.

- Я думаю, что успеешь, - сказал Вэньхуа. - Сейчас вернусь.

Он сходил на пост, возле которого снова встретил Ли. Они довольно быстро договорились о том, какое обезболивание будет адекватным, и медсестра отправилась делать Мэйлин укол, а Вэньхуа вернулся в палату следом за ней.

Он остался ждать в стороне, но пока медсестра возилась с ампулами, все же решил присмотреться к ауре Мэйлин. Он видел только темное пятно в области Аджны, от которого тонкими нитями серые всполохи расползались во все стороны. Как паук в

паутине.

Мэйлин Юн

Мэйлин не хотелось отпускать Вэньхуа, но это все равно нужно было сделать. Она столько времени держала его на расстоянии, испытывая отвращение к любому физическому контакту, когда даже положенные на плечи ладони воспринимались ею с угрозой и неприятием, а сейчас каждая секунда, что его не было рядом, казалась прожитой зря.

А ведь на самом деле она столько не успела сделать, и так ничтожно мало времени, чтобы осуществить задуманное. Она не участвовала в трансплантации сердца, не провела ни одной самостоятельной эндоваскулярной операции, она так и не увидела Китайскую стену, не получила права, так и не нашла в себе силы хоть раз сказать Сяомими, что на самом деле любит ее. Даже со всеми капризами, истериками и невозможностью остаться наедине, постоянным чувством вины и нежеланием мириться с новым образом жизни, когда пришлось ее делить между работой и ребенком. Все это на самом деле было таким неважным.

Она уснула, держа Вэньхуа за руку.
